

ЦЕЛОСТНОСТЬ УЧЕБНОГО КОЛЛЕКТИВА В УСЛОВИЯХ ПОЛИЛИНГВИЗМА (на материалах Приднестровской Молдавской Республики)

И.А. Савченко, М.А. Викулина, В.В. Михайлова

Аннотация. Каким образом лингвистическая разнородность студенческого сообщества отражается на его целостности? Изучая обозначенную проблему в теоретическом аспекте, авторы обнаруживают, что в среде ученых, исследующих лингвистически неоднородные учебные коллективы, есть как оптимисты, выявляющие в полилингвизме потенциалы социальной интеграции, так и скептики, которые вводят понятие «языковые противоречия» и определяют лингвистическую гетерогенность как преграду для формирования целостного сообщества. Эмпирический анализ феномена полилингвизма авторы приводят на материалах Приднестровской Молдавской Республики. Показывается, что приднестровское общество исторически развивалось как культурно гетерогенное, и языковые различия являются привычными для большинства студентов. Более того, авторы обнаруживают, что приднестровский полилингвизм имеет достаточную и полную нормативную и правовую базу. Опросное исследование среди студентов Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко позволило авторам сделать ряд выводов. Специфической чертой студенческого сообщества в Приднестровье является частое несоответствие этнической и лингвистической идентичности (вместе они составляют культурную идентичность). В среде приднестровских студентов этническая идентичность в количественном выражении может быть шире или, напротив, уже языковой идентичности. Ситуация, когда этническая идентичность полностью совпадает с лингвистической, свойственна лишь тем общностям, которые только начинают вливаться в новое для них сообщество. По наблюдениям авторов, зафиксированная ситуация не содержит в себе конфликтогенных посылов. Показывается, что изучение языка, который является иностранным для всех членов студенческого сообщества (речь, прежде всего, об английском языке), – интегрирующий фактор для учебного коллектива. Эмпирический материал позволил выявить особую роль русского языка как фактора солидаризации учебного коллектива. Русский язык и концепт Русского мира на сегодняшний день объективно становятся ядром лингвокультурной динамики и повседневной жизни молодежных сообществ Приднестровья. Авторы приходят к заключению, что полилингвизм не стоит понимать как препятствие коллективной интеграции. Студенческое сообщество является системой, а гетерогенность как свойство системы дает ей импульсы к развитию.

Ключевые слова: полилингвизм; целостность; учебный коллектив; дискурс; диалог культур; лингвистическая идентичность; этническая идентичность; Русский мир; Приднестровская Молдавская Республика; русский язык; английский язык; социокультурный климат.

Введение

В предлагаемой работе исследуется влияние лингвокультурной гетерогенности на целостность студенческого коллектива. Эмпирическая часть исследования проводилась в Приднестровской Молдавской Республике (ПМР) среди студентов Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

В исследовании поднимается ряд вопросов, которые с той или иной стороны уже освещались в научно-педагогической литературе. Так, внимание ученых привлекают лингвистические факторы функционирования культурно разнородного учебного коллектива [1]. Наиболее интересные данные получены о роли двуязычия в кросскультурном образовании [2]. Особый интерес в данном случае представляют практические исследования, например работы о феномене билингвизма, возможностях и пределах мультикультурного образования в палестинско-еврейских школах в Израиле [3].

Исследователи пытаются понять социально-психологическую природу билингвизма [4], и на этом фоне, по мнению ученых, особую значимость приобретает подготовка преподавателей к билингвальному и кросскультурному образовательному процессу [5, 6]. Весьма актуальны работы, в которых особенности «образовательного билингвизма» изучаются в фокусе становления и развития информационного общества и компьютеризации всех сфер социальной активности [7, 8].

Среди авторов, изучающих эффекты лингвистической неоднородности в образовательном процессе, есть как оптимисты [9, 10], которые видят в полилингвизме и мультикультурности путь к социальной целостности и общественной устойчивости, так и скептики [11], которые рассматривают лингвокультурную гетерогенность как препятствие на пути к интеграции и коммуникации и описывают феномен «языковых противоречий» в культурно и лингвистически разнородных общностях.

Безусловный интерес представляют работы, где изучаются проблемы двуязычия применительно к странам так называемого ближнего зарубежья. Анализируются перспективы полилингвального образования в мультикультурном социуме [12], разрабатываются многоязычные образовательные модели [13].

Изучая языковую ситуацию в зарубежных регионах с большим числом русскоязычного населения, мы неминуемо обращаемся к исследованиям, где освещается проблематика Русского мира. В данном контексте формулируется такой концепт, как Русская языковая личность [14], раскрывается специфика самоидентификации русской языковой личности Русским миром [15], концептуализируется понимание русского языка как ядра русского мира [16, 17]. С позиций педагогической науки раскрывается «метафизика русской души» [18]. Определяется

значимость религиозного (православного) фактора в сфере Русского мира [19]. Большое внимание уделяется социально-психологическим вопросам сохранения идеи Русского мира в преимущественно инокультурной среде [20, 21]; анализируются глобальные угрозы Русскому миру [22]. Публикуется все больше работ, где проблема Русского мира исследуется применительно к реалиям Приднестровской Молдавской Республики. Раскрываются геополитические реалии развития Русского мира в Приднестровье [23–25]. В контексте формирования социокультурной целостности приднестровского общества заслуживают внимания исследования идентичности народа Приднестровья [26–28] и укорененности в Приднестровье русской национальной идеи [29].

В контексте проблематики нашего научного исследования большой интерес представляют работы по проблемам функционирования образовательного процесса в многоязычном коммуникативном пространстве Приднестровья. На данный момент изучаются отдельные аспекты данного вопроса. Так, с психолингвистических позиций на материале русских билингвов исследуются рефлексивные аспекты усвоения второго языка (украинского или молдавского) в полиязычном Приднестровье [30]. Освещаются лингводидактические аспекты интерференции болгарско-русских билингвов в Приднестровье [31]. Внедряется аксиологический подход в методике преподавания русского языка в полиэтничном Приднестровье [32].

Постановка проблемы

В центре нашего внимания – студенческий коллектив, неоднородный в культурно-языковом плане. Центральная проблема, которая нас интересует, – «лингвокультурный климат» и целостность такого рода коллектива. Исследование проводилось в крупнейшем вузе ПМР среди студентов с различной этнокультурной идентичностью, которые считают родными разные языки (русский, украинский, молдавский и др.). Все студенты получили среднее образование также на различных языках, но теперь сформировали учебный коллектив и получают высшее образование на русском языке.

Каковы лингвокультурные установки этих студентов? Каковы из языковые ориентиры? Может ли лингвокультурная разнородность рассматриваться как барьер коллективной солидарности? На получение ответов на эти вопросы направлено наше исследование.

Методология

Исследование проводилось на основе системного подхода, согласно которому лингвокультурные процессы представляют собой си-

стему и обладают всеми признаками системы: целостностью, функциональностью и динамикой [33]. Системный подход сделал возможным применение элементов синергетического метода, что выразилось в комплексном использовании положений лингвистической, педагогической, социологической науки и философии языка [34].

Ядро научной методологии, в рамках которой проводится исследование, – коммуникативно-дискурсивный подход [35], где понятие дискурса выступает как центральная категория межкультурного обмена [36].

Большое влияние на теоретико-методологические основания данного исследования оказала лингводидактическая концепция развития индивидуальности в диалоге культур, предложенная в свое время Е.И. Пассовым [37]. В рамках этого подхода сегодня активно развиваются две взаимосвязанные, но все же самостоятельные методико-методологические концепции: концепция поликультурной языковой личности [38–41] и концепция диалога культур [42–44].

Исторические основания приднестровского полилингвизма

В I тыс. н. э. Приднестровье было заселено праславянскими племенами, а также вечными соперниками древних славян – тюркскими кочевниками (половцами и печенегами). За истекшее тысячелетие Приднестровье было частью многих государств: Киевской Руси и Галицко-Волынского княжества, Великого Княжества Литовского. Северное Приднестровье долгое время пребывало в составе польских княжеств и Речи Посполитой. Южное же Приднестровье в XIII веке стало частью Золотой Орды, а позднее – Крымского ханства.

Наконец, в конце XVIII в. вся территория Приднестровья становится частью Российской империи, тогда же начинается ее активное заселение. Власти способствовали миграции в Приднестровье рабочей силы в лице не только русских, но также молдаван, украинцев, евреев, болгар, немцев, греков и армян [45].

В советский период до 1940 г. основная часть Приднестровья входила в состав Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики, которая, в свою очередь, была частью Украинской ССР. В 1940 году с новым вхождением Бессарабии в состав Советского Союза была создана Молдавская ССР, и Приднестровье стало территорией Молдавской Советской Социалистической Республики. Начинается новая волна миграции профессиональных кадров в Приднестровье, главным образом, из России и Украины.

Историческое развитие Приднестровья обусловило лингвокультурную разнородность региона. Полилингвальная и культурно-гетерогенная специфика Приднестровского ареала, с одной стороны, и его безусловная ориентированность на Русский мир – с другой, во мно-

го объясняют, почему Приднестровье не могло последовать за Молдавией, когда она, объявив о своем суверенитете, взяла курс на европейское развитие [46].

Особенности культурно-коммуникативного дискурса, обнаруживаемые сегодня в непризнанной Приднестровской Молдавской Республике, нашли свое отражение в системе образования и лингвокультурной динамике учебных коллективов.

Нормативно-правовое регулирование языкового вопроса в Приднестровской Молдавской Республике

Сегодня в ПМР языковой вопрос регулируется законом «О языках в Приднестровской Молдавской Республике» (текущая редакция по состоянию на 14 марта 2019 г.) [47], принятом одновременно с Конституцией ПМР 8 сентября 1992 г. Статус официального языка «на равных началах» придается молдавскому, русскому и украинскому языкам (ст. 3). Эти же языки наделены статусом языков межнационального общения (ст. 5). Особое внимание в Законе уделяется письменной форме молдавского языка: во всех случаях коммуникативного взаимодействия допускается исключительно «исконный» кириллический алфавит. В законе особо подчеркивается ответственность, которую влечет за собой «навязывание» молдавскому языку латинского алфавита (ст. 6).

Статья 4 указанного закона предоставляет гарантии развития языков в ПМР: Приднестровская Молдавская Республика создает «материальную базу для всемерного развития официальных и иных функционирующих на своей территории языков, стимулирует их изучение». В этих целях... принимаются «государственные программы развития языков»... Программами предусматриваются мероприятия, обеспечивающие «получение образования на этих языках и их изучение, подготовку педагогических кадров, развитие литературы, науки и искусства, телевидения и радиовещания, издание книг, газет и журналов на языках республики, выпуск словарей, справочников, учебной и учебно-методической литературы и другие меры по развитию языков».

В Статье 27 Закона «О языках» отмечается, что в организациях среднего общего образования Приднестровской Молдавской Республики обучающиеся изучают в качестве обязательного предмета в качестве иностранного наряду с родным один из официальных языков ПМР.

В пятом разделе приднестровского закона «О языках» идет речь о языках науки, культуры и образования. Здесь снова подчеркивается право обучающихся, их родителей (законных представителей) выбрать для получения образования организацию дошкольного и среднего общего образования с соответствующим языком: на молдавском и / или русском, и / или украинском языках (Статья 26. Язык образования).

Аналогично складывается ситуация для абитуриентов, поступающих в «организации профессионального образования». При прохождении вступительного испытания по одному из официальных языков ПМР они пользуются правом выбора языка (молдавский или русский, или украинский), если такое вступительное испытание предусмотрено правилами приема в указанные организации образования (Статья 28. Вступительные испытания по языку).

Закон регулирует использование и выбор языков исключительно в системе дошкольного и среднего общего образования. Этот выбор впоследствии отражается на том, какой язык сдается в качестве вступительного испытания для абитуриента в «организациях профессионального образования». Использование языков в сфере профессионального (начального и среднего) и высшего образования законом не регламентируется.

Лингвокультурные реалии образовательного пространства современного Приднестровья

«Языковой вопрос» приобрел остроту в Советской Молдавии в 1989–1990 гг. Уже тогда русскоязычное население ощутило на себе политическое и культурное давление. Русское и, в целом, русскоязычное население массово покидало Молдову, и агрессия прорумыно настроенного населения увеличивалась. В итоге события перетекли в открытое противостояние, что вылилось в отделение непризнанной республики и вооруженный конфликт, впоследствии урегулированный российскими миротворцами.

Такие судьбоносные перемены нашли отражение на всех сферах общественной жизни и, в особенности, в системе образования и образовательной политике. Так, сегодня в Молдове в образовательном дискурсе действует только один официальный язык – молдавский, с обязательной латинской формой написания. Идеологическая основа образования – отказ от связи с Русским миром, ориентация на Румынию и копирование румынской истории. Унионизм (румынизм) как ядро культурной и образовательной политики Молдавии связан с отказом для исконного для молдаван (а также румын) кириллического алфавита и нацелен на фактический отказ от молдавской национальной идентичности (молдовеизма, самобытничества).

Жители сельской местности из отдаленных районов Молдовы знают русский язык очень плохо или не знают его совсем. В центре страны на русском все еще говорят, отвечают на вопросы приезжих, иногда неохотно, но настроены по отношению к русскоговорящим уже не так агрессивно, как в прошлое десятилетие. И вообще отношения на межличностном уровне значительно потеплели. В какой-то степени это связано с тем, что надежды на Европу и европейский вектор развития образования не оправдались.

Что касается Приднестровской Молдавской Республики, как уже было отмечено, языковой вопрос здесь достаточно четко регулируется в нормативном плане, интересы преобладающих национально-лингвистических групп в Приднестровье в целом удовлетворены.

Основные этнические общности, населяющие Приднестровье, – русские (33,8%), молдаване (33,2%), украинцы (26,7%), болгары, белорусы (6,3%). Всего на территории ПМР проживают представители 75 различных национальностей [48. С. 19].

Территориально в ПМР в городах говорят на разных языках, нет какой-либо языковой специфики. А вот в сельской местности есть ярко выраженные молдавские, украинские, болгарские села. Многое здесь зависит от близости с пограничными государствами (Молдова, Украина).

На данный момент времени из Гагаузской автономии в составе Молдовы в Республику массово прибывают гагаузы. Влияние этого тюркоязычного народа на социокультурный климат в регионе на данный момент воспринимается коренным населением неоднозначно, многие реагируют негативно.

Также интересен вопрос с гражданством. Так как гражданство и паспорта ПМР не признаны, жители ПМР принимают гражданство других государств. Чаще всего РФ, Молдовы, Украины, Болгарии, Румынии. При этом некоторые имеют два или три гражданства одновременно. И чаще всего выбор гражданства связан в направлении предполагаемой миграции – в сторону РФ или в Европу.

Сегодня в приднестровских школах, наряду с обязательными русским и иностранным языком, изучается молдавский или украинский по выбору (по желанию ученика, зависит чаще всего от национальности). Чаще всего любой приднестровец знает русский и еще какой-то дополнительный язык – молдавский, украинский, болгарский и т.д. Явные конфликты на языковой почве практически не имеют места, очень редко – на национальной почве.

Как уже отмечалось, использование официальных языков ПМР в системе профессионального (начального и среднего) и высшего образования специально не регулируется. В то же время наличие в республике трех государственных языков априори предполагает возможность их использования на различных ступенях образовательного процесса. Объективно в ПМР складывается ситуация, когда образовательный процесс в высших учебных заведениях осуществляется преимущественно на русском языке. Это объясняется тем, что именно русский язык наиболее часто используется в Приднестровье в качестве *lingua franca*, и им владеет почти каждый приднестровец. Культура и наука в Приднестровье ориентированы на Русский мир [23, 25]. Образовательный процесс в вузах ПМР регулируется теми же федеральными государственными образовательными стандартами, что и в Российской Фе-

дерации. В данном контексте русский язык – один из факторов целостности учебного коллектива в Приднестровье.

Опыт опросного исследования в полиэтничном студенческом коллективе

Официальная статистика предлагает нам общую картину лингвокультурной ситуации в образовательном поле Приднестровской Молдавской Республики. Вместе с тем есть смысл рассматривать обсуждаемую проблему в микроконтекстуальном феноменологическом ключе. Именно поэтому авторами был проведен опрос с рабочим названием «Полилингвизм в диалоге культур». *Цель опроса* – изучить социокультурные особенности полилингвального учебного коллектива и на этой основе определить, какую роль полилингвизм играет в формировании целостного коллектива.

Характеристика выборки. В опросе приняли участие 162 студента ($n = 162$; из них 50,5% – мужчины, 49,5% – женщины) Института государственного управления, права и социально-гуманитарных наук Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, обучающихся по направлениям подготовки бакалавриата «Социология», «Социальная работа», «История», «Политология», «Государственное и муниципальное управление».

Результаты опроса и их обсуждение. Первый вопрос, заданный респондентам, имел целью узнать, какие языки члены учебного коллектива считают родными. Как показано на рис. 1, 65% студентов считают родным русский язык, далее идут молдавский (13,8%), украинский (8,3%), гагаузский (6,4%), болгарский (3,7%), румынский (2,8%).

Нам было важно знать, насколько лингвистическая идентичность совпадает с этнической идентичностью, ведь вместе они формируют целое, именуемое культурной идентичностью [49]. Из ответов на второй вопрос «Кто Вы по национальности» (рис. 2), мы увидели, что лингвоидентичность и этноидентичность совпадают не всегда. Мы выявили лишь один случай такого совпадения – у гагаузов, где количество идентифицирующих себя по языковому признаку полностью совпадает с числом идентифицирующих себя по признаку этничности (6,4%). Это вполне объяснимо: миграция гагаузов из Молдовы в Приднестровье началась сравнительно недавно. Большинство студентов-гагаузов родились в Гагаузии (Автономное территориальное образование на юге Молдовы) в исконном для их предков социокультурном ареале, потому для данной категории обучающихся понятия лингвоидентичности и этнической идентичности на данный момент объективно составляют единство.

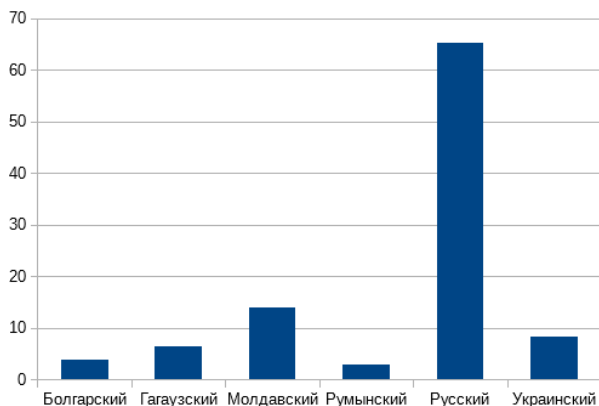

Рис. 1. Результаты ответов студентов на вопрос «Какой язык Вы считаете родным?»

Гораздо чаще мы встречаем ситуацию, когда этническая идентичность оказывается в восприятии ее носителя шире лингвистической. Например, если украинский язык считают родным 8,3%, а украинцами полагают себя почти 30% опрошенных. Молдавский язык считают родным 13,8% респондентов, а молдаванами считают себя 24,8%, т.е. вдвое больше. Такую же ситуацию мы наблюдаем среди румын и болгар. Более того, никто из вошедших в состав выборки армян, латышей и татар, отождествляющих себя со своим этносом, не считал языки этих этносов родными. Нетрудно предположить, что в нашем случае, когда разница между числом носителей той или иной этнической идентичности и количеством носителей того или иного (родного) языка будет положительной, она будет указывать на людей, которые, сохраняя исконную этническую идентичность, тем не менее, трансформировали исконную лингвистическую идентичность на русскую. Именно поэтому количество лиц, идентифицирующих себя с русским этносом (28,8%) более чем в два раза меньше студентов, считающих родным русский язык. Это – один из примеров, когда наиболее активно используемый язык межнационального общения становится фактором общественной целостности. При этом, однако, мы не находим подтверждений тому, что полилингвизм препятствует целостности коллектива.

Концепт Русского мира делает исключительной функцию русского языка в Приднестровье, а также на всем постсоветском коммуникативном пространстве. Именно поэтому количество русскоговорящих здесь значительно превышает число людей, русских по национальности. В то же время лингвоидентичность совпадает с этноидентичностью примерно в 50% случаев, что и подтверждают ответы студентов на вопрос «Что Вас роднит в наибольшей степени со своим народом?» (рис. 3).

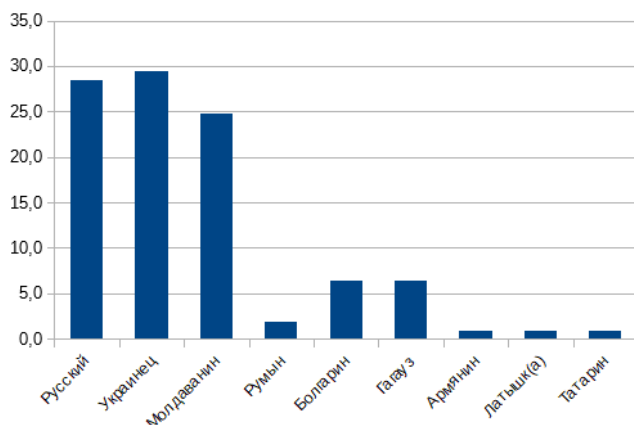

Рис. 2. Результаты ответов студентов на вопрос «Кто Вы по национальности?»

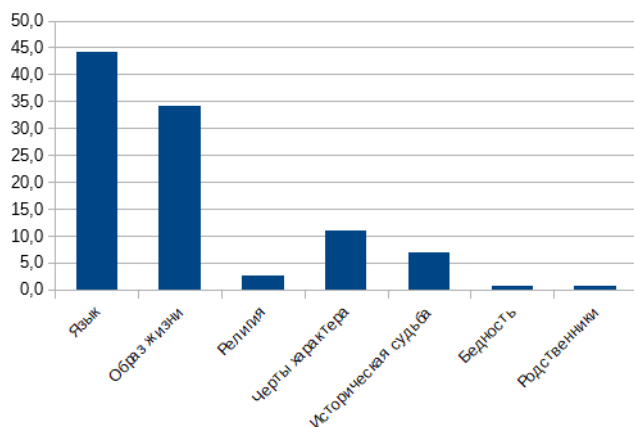

Рис. 3. Результаты ответов студентов на вопрос «Что Вас роднит в наибольшей степени со своим народом?»

Мы видим, что 44,2% студентов в качестве ответа указали язык, 55,8% – иные факторы, роднящие респондентов со своим народом (в порядке убывания): образ жизни, черты характера, историческая судьба (здесь мнение студентов разнится с убеждением Л.Н. Гумилева, что именно историческая судьба является ядром этнической идентичности), религия. Некоторые респонденты добавили в опросник «свои» факторы, которые их роднят с их этносом: родственники (0,7%) и бедность (0,7%). Никто из респондентов не указал в качестве ответа «общих врагов» или «ненависть к другому народу». Это косвенно подтверждает, что полилингвизм и культурная гетерогенность не являются барьером целостности и социальной солидарности.

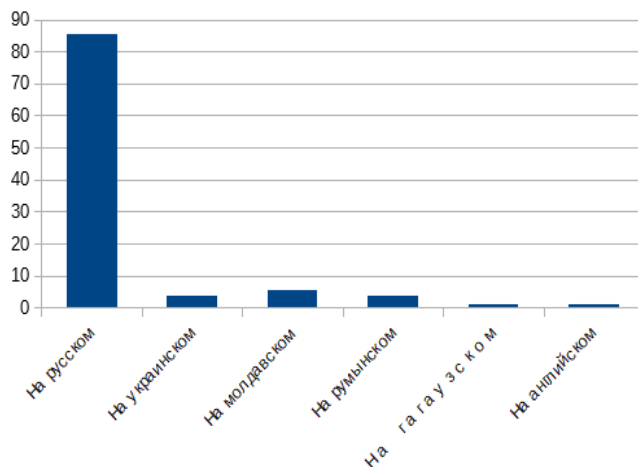

Рис. 4. Результаты ответов студентов на вопрос «На каком языке для Вас предпочтительнее (легче) читать прессу и книги?»

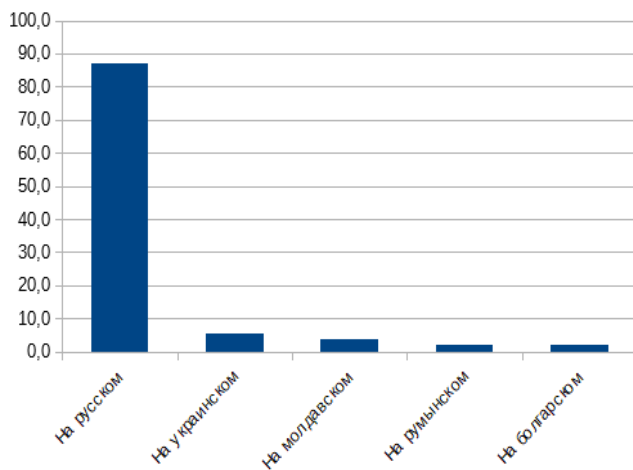

Рис. 5. Результаты ответов студентов на вопрос «На каком языке Вы предпочитаете смотреть кино, видео и телепрограммы?»

Русский мир для приднестровских студентов – значимый социально-коммуникативный фактор, обеспечивающий внутриколлективную целостность, и это подтверждается ответами на вопрос «На каком языке для Вас предпочтительнее (легче) читать прессу и книги?»: 85,3% указали в данном случае русский язык. Таким образом, многие из тех, кто считает родными различные (отличные от русского) языки, тем не менее, достаточно комфортно чувствуют себя в русскоязычном дискурсе печатного слова (см. рис. 4).

Что касается дискурса медиакommunikаций, то и здесь русский язык выступает в качестве солидаризирующего фактора: 87% студентов

отмечают, что именно на русском языке предпочитают смотреть кино, видео и телепрограммы (см. рис. 5). Русский медиакоммуникативный дискурс выступает и как фактор коллективной целостности.

Отмеченная тенденция подтверждается и ответами студентов на вопрос «Устная речь (в том числе на радио, в песнях и т.д.) на каком языке Вам наиболее понятна?» (рис. 6): 83,5% снова указывают русский язык. Вместе с тем следует понимать, что, несмотря на то, что в дискурсе социальной коммуникации современного Приднестровья преобладает русский язык, от 10 до 15% студентов чувствуют себя более уверенно в коммуникативном дискурсе других языков, прежде всего украинского и молдавского. Не случайно эти языки являются в Приднестровье официальными и имеют статус языков межнационального общения.

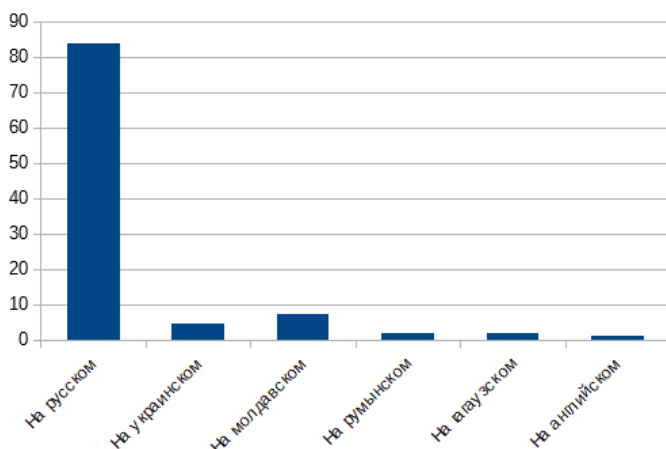

Рис. 6. Результаты ответов студентов на вопрос «Устная речь (в том числе на радио, в песнях и т.д.) на каком языке Вам наиболее понятна?»

Ответы на вопросы № 7 и 8 (языки, на которых респонденты обучались в школе и обучаются в настоящий момент в вузе) несколько разнятся с официальной статистикой, что неудивительно в виду того, что в нашем исследовании – более конкретные и менее обобщенные данные. Так или иначе, мы снова видим преобладание русского языка в образовательном дискурсе средней школы – 85,3% (рис. 7) и вуза – 93,4% (рис. 8).

Можно предположить, что в ряде случаев школьнику или студенту по каким-либо причинам пришлось обучаться не на том языке, на котором он хотел бы обучаться. Поэтому для нас были важны ответы на девятый и десятый вопросы.

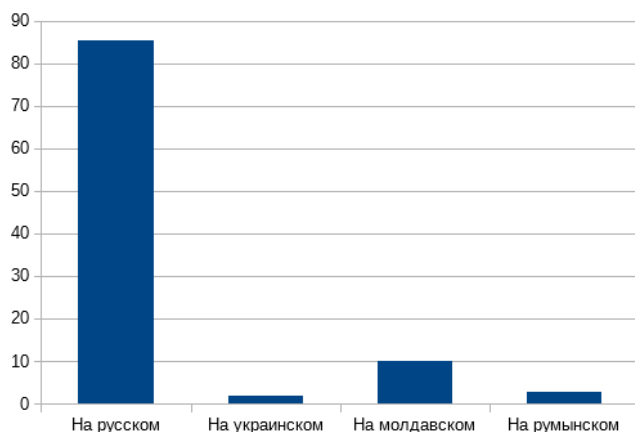

Рис. 7. Результаты ответов студентов на вопрос «На каком языке Вы получали образование в школе?»

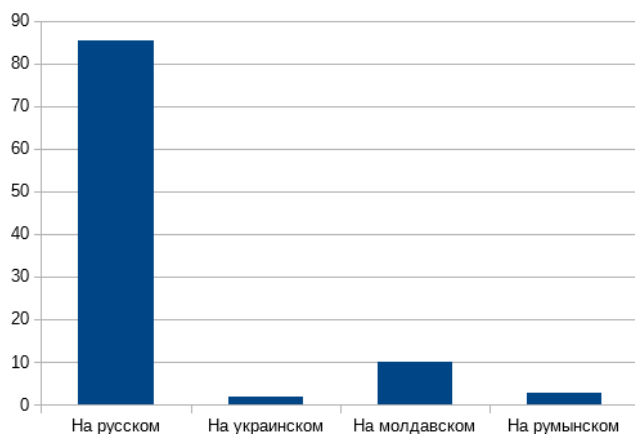

Рис. 8. Результаты ответов студентов на вопрос «На каком языке Вы получаете образование в вузе?»

На рис. 9 и 10 представлены результаты ответов на вопросы о том, на каких языках студенты хотели бы обучаться, соответственно, в школе и вузе. Если сравнивать ответы на данные вопросы с соответствующими ответами на предыдущие два вопроса (№ 7 и 8), разница окажется не очень значительной, но очевидной.

Количество желающих обучаться на русском оказалось несколько меньшим, нежели количество людей, реально на нем обучавшихся и обучающихся. Так, количество желавших бы обучаться в школе на русском языке на 5,5% меньше обучавшихся в школе на русском в действительности. Для вузов эта разница больше – 13,8%.

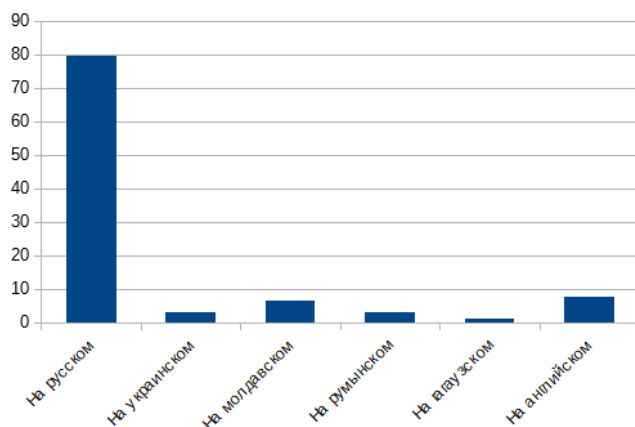

Рис. 9. Результаты ответов на вопрос «На каком языке Вы предпочли бы обучаться, будучи школьником?»

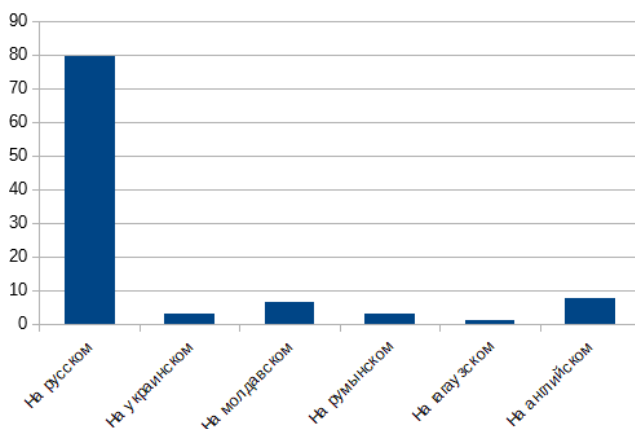

Рис. 10. Результаты ответов на вопрос «На каком языке Вы предпочли бы обучаться в вузе?»

Мы полагаем, что в ответах на вопросы № 9 и 10 проявилось в первую очередь вовсе не стремление видеть англоязычным весь учебный процесс, а естественное желание знать английский язык. Личные беседы со студентами помогли пролить свет на их особое отношение к английскому языку. Выяснилось, что хотя английский язык изучается во всех школах Приднестровья, уровень преподавания не всегда соответствует современным требованиям к владению английским языком. В большей степени результатами изучения английского языка в средней школе оказались довольны студенты, обучавшиеся ранее в гимназиях или лицеях, которых в Приднестровье не так уж много. В то же время было установлено, что преподавание английского языка в вузах

Приднестровья отличается высоким уровнем профессионализма педагогов. Многие бывшие школьники, придя в вуз, испытали эйфорию от действительного процесса овладения иноязычной коммуникативной компетенцией, и эта эйфория нашла отражение в их ответах.

Лишь 32% опрошенных студентов имели в школе возможность изучать в качестве иностранного языка английский (рис. 11). Желание студентов знать английский вполне закономерно. И польза компетентного владения английским языком сомнений не вызывает.

Потребность в изучении английского языка становится очевидной при анализе ответов на двенадцатый вопрос: «Как Вы считаете, знание каких языков будет полезно Вашим детям?». Указали английский 29,6%, французский – 12,8%. В виду того, что знание русского респонденты воспринимают как нечто само собой разумеющееся, только 27,4% указали в данном случае русский язык (рис. 12).

Многие студенты, впервые погрузившись в среду качественного изучения иностранного языка и впервые ощутив преимущества хорошего владения английским, с одной стороны, испытали воодушевление, с другой – досаду оттого, что были лишены подобных возможностей ранее. Отсюда – казусные позиции, иллюстрацией которых могут быть данные, представленные на рис. 13 (вопрос «Какой еще язык (кроме русского, украинского и молдавского), по Вашему мнению, должен быть официальным в ПМР?»). Указали в данном случае английский язык 52,4% опрошенных.

Изучение языка, который является иностранным для всех членов учебного коллектива (как в данном случае английский язык), выполняет, помимо прочего, значимую коммуникативно-интегрирующую функцию и способствует целостности коллектива, что находит подтверждение в современных научно-методических исследованиях [50].

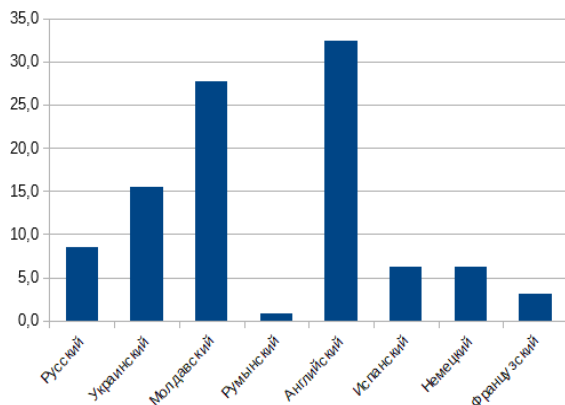

Рис. 11. Результаты ответов на вопрос «Какой язык Вы изучали в качестве иностранного в школе?»

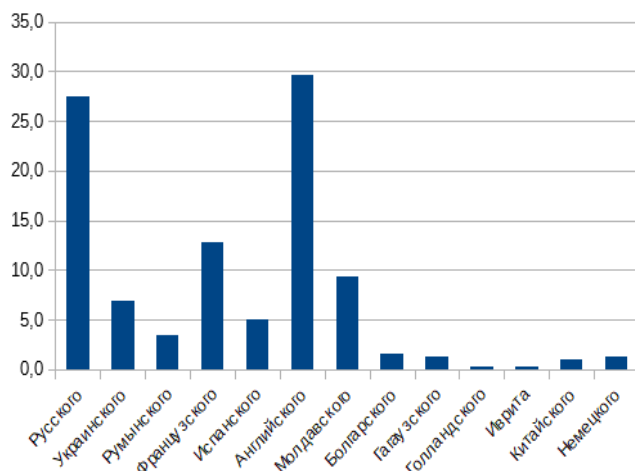

Рис. 12. Результаты ответов на вопрос «Как Вы считаете, знание каких языков будет полезно Вашим детям?»

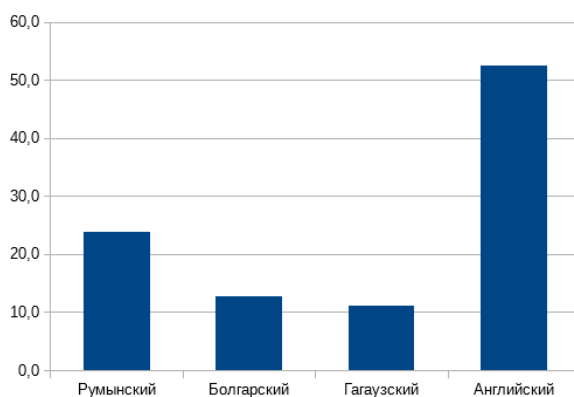

Рис. 13. Результаты ответов студентов на вопрос «Какой еще язык (кроме русского, украинского и молдавского), по Вашему мнению, должен быть официальным в ПНР?»

Удовлетворение растущего интереса молодого поколения к иностранному (английскому языку) будет, таким образом, лишь способствовать органичному развитию Приднестровья в культурно-коммуникативном дискурсе Русского мира. Именно Русский мир является незаменимой и безальтернативной платформой диалога культур. Судя по ответам на два вопроса (рис. 14, 15), круг родственного и дружеского общения является русскоязычным.

Русский язык – это не только и не столько средство коммуникативного обмена, это фундамент коллективной целостности и ядро концептосферы общностей различного типа [51].

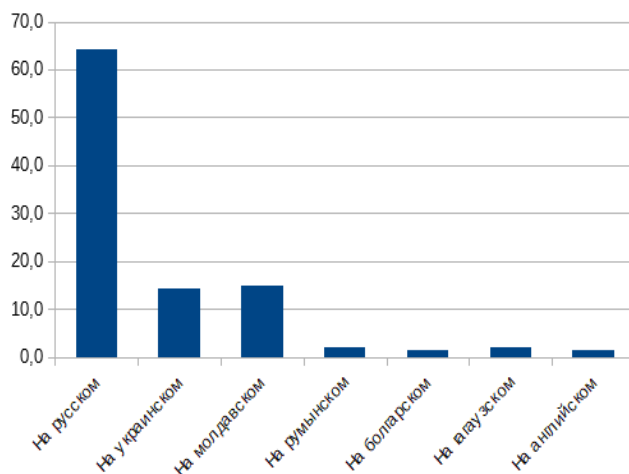

Рис. 14. Результаты ответов студентов на вопрос «На каком языке Вы общаетесь со своими близкими?»

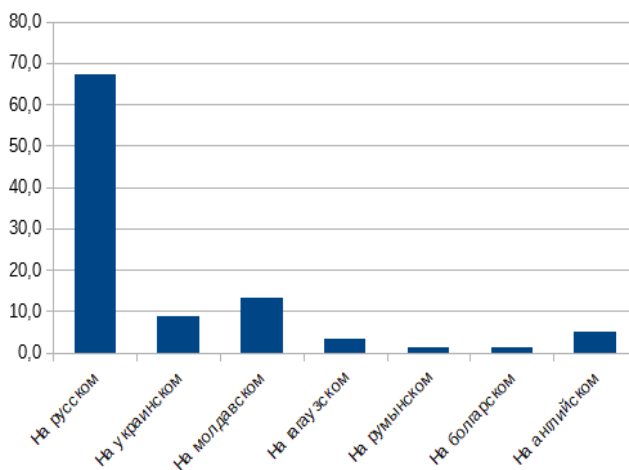

Рис. 15. Результаты ответов студентов на вопрос «На каком языке Вы общаетесь со своими друзьями?»

Ответы на последний, шестнадцатый, вопрос «Есть ли такой язык, который воспринимается Вами как “чужой”?» дают нам противоречивую информацию и подталкивают к размышлениям (рис. 16). Мы видим признаки умеренной конфликтности на уровне так называемой бытовой неприязни: носители одних языков считают другие языки чуждыми для себя. Особенный негативизм проявился в данном случае в отношении к гагаузскому языку – самого нового и непривычного для повседневного дискурса современного Приднестровья.

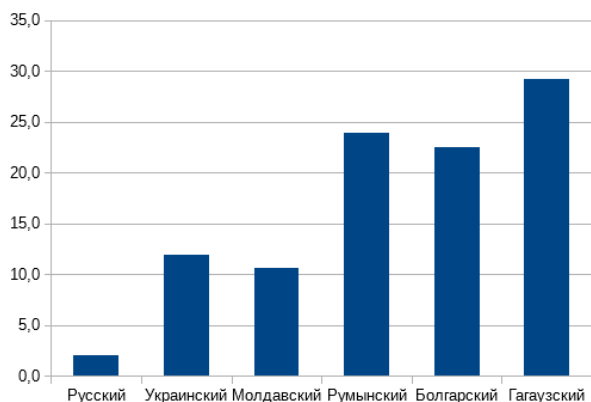

Рис. 16. Результаты ответов студентов на вопрос «Есть ли такой язык, который воспринимается Вами как «чужой»?»

Дают о себе знать и противоречия идеологического и культурно-политического характера. Так, мы помним, что в ответе на вопрос № 12 23,8% респондентов предложили румынский язык в качестве одного из официальных. При ответе на вопрос № 16 такое же количество (23,8%) опрошиваемых заявили, что считают румынский язык чужим. Очевидно, что в дискуссия по поводу того, какой вариант молдавского языка является «правильным» – самобытный и основанный на кириллице или романизированный, максимально приближенный к румынскому, как в плане письменности (латинской), так и лексики – все еще имеет место в приднестровском обществе и, как следствие, в учебных коллективах.

Что касается русского языка, только 2% студентов по каким-то причинам считают русский язык «чужим». Для остальных 98% членов полинационального и многоязычного учебного коллектива русский язык – органичная часть их жизни. В данном случае снова проявила себя интегративная природа русского языка.

Заключение

Языковая гетерогенность студенческого коллектива сама по себе никак не препятствует благоприятному социокультурному климату в группе и не создает преград для целостности учебного сообщества. Сообщество является системой, и гетерогенность как ключевое свойство системы дает ей импульсы к развитию.

Полилингвизм в приднестровском обществе имеет многовековую историко-культурную основу и уже в силу данного обстоятельства не может рассматриваться как дезинтегративный фактор на пути к социальной целостности. Кроме того, приднестровский полилингвизм и языковые паритеты закреплены в Приднестровье законодательно.

Проведенное авторами опросное исследование показало, что особенностью учебных коллективов в вузах Приднестровья является преимущественное несовпадение культурной и лингвистической идентичностей: одна из них может быть шире другой и наоборот. Какие-либо дезинтегративные потенциалы такого рода ситуации выявлены не были.

В настоящее время для учебного процесса в ПРМ особое значение приобретает изучение английского языка. Обучающиеся понимают значимость английского языка в современном мире и в случае, когда уровень обучения недостаточный (что характерно для средней школы), испытывают неудовлетворенность, если же уровень обучения английскому языку становится высоким (что свойственно вузу), чувствуют особенную радость и воодушевление. Интерес к английскому языку может стать одним из факторов целостности учебного коллектива. Качественное преподавание английского как языка, являющегося иностранным для всех членов полилингвального сообщества, способно улучшить социокультурный климат учебных коллективов и интегрировать обучающихся.

Современный культурно-коммуникативный и образовательный дискурс Приднестровья развивается в системе Русского мира. Русская культура и русский язык становятся ключевыми факторами целостности культурно гетерогенных учебных коллективов современного Приднестровья.

Литература

1. **Falodun J.O.** Responding to linguistic and cultural differences in a multicultural classroom. University of Pennsylvania, 1993. 33 p.
2. **McSwain A.J.** The effects of multicultural training on preservice students' self-report of bilingual multicultural competencies. University of Missouri – Columbia, 1993. 49 p.
3. **Bekerman Z.** Potential and Limitations of multicultural education in conflict-ridden areas: bilingual palestinian-jewish schools in Israel // Teachers College Record. 2004. Vol. 106, № 3. P. 574–610.
4. **Heskin A.D., Heffner R.A.** Learning about bilingual, multicultural organizing // Journal of Applied Behavioral Science. 1987. Vol. 23, № 4. P. 525–541.
5. **Trent S.C., Artiles A.J.** Multicultural teacher education in special and bilingual education // Remedial & Special Education. 1998. Vol. 19, № 1. P. 2–6.
6. **Sandoval L.L.** Teacher training for bilingual multicultural education. The Claremont Graduate University, 1983. 54 p.
7. **Sedelow W.A., Sedelow S.Y.** Multicultural / multilingual electronically mediated communication // Social Science Computer Review. 1994. Vol. 12, № 2. P. 242–249.
8. **Drouyn-Marrero M.A.** Computer access, social interaction and learning in a bilingual / multicultural setting. University of Massachusetts Amherst, 1990. 47 p.
9. **Scharf S.T., Foster J.A., Behdinan K.** Optimizing linguistic diversity in highly multicultural engineering design teams // ASEE Annual Conference and Exposition, Conference Proceedings. «121st ASEE Annual Conference and Exposition: 360 Degrees of Engineering Education». 2014. P. 67–71.
10. **Matveeva E.** Language alter ego – the key to multicultural linguistic personalities // Philology. 2016. № 4 (4). P. 42–44.

11. **Goral M., Conner P.S.** Language disorders in multilingual and multicultural populations // Annual Review of Applied Linguistics. 2013. Vol. 33. P. 128–161.
12. **Khazhgaliyeva G.** Multilingual education perspectives in multicultural Kazakhstan // Global science. Development and novelty Collection of scientific papers on materials IV International Scientific Conference. Astana, 2016. P. 5–8.
13. **Shaikhyzada Zh.G., Andreyeva O.A.** Implementation of multicultural and multilingual educational model in the republic of kazakhstan // European Researcher. 2013. № 2–2 (41). P. 379–382.
14. **Млечко Т.П.** Русская языковая личность ближнего зарубежья. Кишинев : Славянский университет Республики Молдова, 2013. 436 с.
15. **Скиба И.Г.** К вопросу самоидентификации с «Русским миром» // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса : материалы Междунар. науч. конф. студ. и мол. ученых. Повс. 80-летию ДонНУ / под общ. ред. С.В. Беспаловой. Донецк, 2017. С. 220–223.
16. **Шестак Л.А.** Русский язык в мире и мир в русском языке: язык как будущее // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 8 (62). С. 102–109.
17. **Мир** русского слова и русское слово в мире // Материалы XI конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. 2007. Т. 4: Язык. Сознание. Личность. Коммуникация на русском языке в межкультурной среде. Болгария, Варна, 17–23 сент. 2007 г. Варна : Heron Press, 2007. 654 с.
18. **Кайсарова С.Н.** Метафизика русской души в восприятии иноязычного сознания («Party like a Russian»: вызов или комплимент Русскому миру?) // Педагогика и педагогический процесс: современные тенденции и перспективы развития : сб. науч. тр. по материалам I Междунар. науч.-практ. конф. М.: РГПУ, 2016. С. 38–43.
19. **Писаревский В.Г.** Аудитория православных сообществ в ВКонтакте в Узбекистане и ее связь с «Русским миром» // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2018. № 4 (34). С. 264–278.
20. **Савоскул С.С.** Русские нового зарубежья. Выбор судьбы. М. : Наука, 2001. 438 с.
21. **Космарская Н.П.** «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии, 1992–2002). М. : Наталис, 2006. 597 с.
22. **Воронова О.Е.** Информационно-психологическое противоборство в контексте глобальных угроз Русскому миру // Русский мир: проблемы духовно-нравственного, гражданско-патриотического воспитания и пути их решения : пленарные докл. Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. С.В. Беспаловой. Донецк, 2018. С. 44–52.
23. **Бабилунга Н.В.** Приднестровье и Русский мир: современные геополитические реалии // Современная наука: актуальные проблемы и перспективы развития : материалы и докл. Междунар. науч.-практ. конф. Тирасполь, 2018. С. 12–22.
24. **Недельская О.С.** Приднестровье в системе геополитических интересов ведущих мировых держав // Система ценностей современного общества : сб. материалов LI Междунар. науч.-практ. конф. Тирасполь, 2017. С. 95–100.
25. **Смирнов И.Н.** Вместе с Россией. Тирасполь : ТИПАР, 2007. 200 с.
26. **Степанов В.** Этнополитическое конструирование гражданской идентичности на двух берегах Днестра (1989–2014 гг.) М. : РИСИ, 2015. 224 с.
27. **Чорба А.А.** Приднестровье на пути от региональной к государственной идентичности: оценки экспертов // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики: сб. ст. / под ред. А.А. Корнилова. Тирасполь, 2016. С. 190–195.
28. **Янковский В.В.** 10 лет референдуму в Приднестровье: вызовы 2006 года как факторы становления гражданской идентичности // Власть. 2017. Т. 25, № 1. С. 91–98.
29. **Бабилунга Н.В.** Русская национальная идея и Приднестровье // Культурологический журнал. 2018. № 4 (34). URL: <http://www.cr-journal.ru>

30. **Кривошапова Н.В.** Рефлексивные аспекты усвоения второго языка в полиязычном Приднестровье (на примере национально-русских билингвов) // Интеллект. Культура. Образование : материалы Междунар. науч. конф., посв. 85-летию со дня рожд. РАО И.С. Ладенко, с элементами научной школы для молодежи. М., 2018. С. 107–109.
31. **Кривошапова Н.В., Ткачева Л.В.** Лингводидактический аспект интерференции болгарско-русских билингвов в Приднестровье // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы : тр. и материалы Междунар. конф. / под общ. ред. Е.А. Горобец, О.Ф. Жолобова, М.О. Новак. М., 2018. С. 81–84.
32. **Кривошапова Н.В.** Аксиологический подход в методике преподавания русского языка в полиэтничном Приднестровье // Би-, поли-, транслингвизм и языковое образование: посвящается нашим Учителям: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. под эгидой МАПРЯЛ. М.: РУДН, 2018. С. 385–390.
33. **Савченко И.А., Викулина М.А.** Лингвокультурная динамика и образовательный процесс // Язык и культура. 2018. № 43. С. 199–216.
34. **Гураль С.К., Петрова Г.И., Смокотин В.М.** Выразить невыразимое: возможности синергетических усилий лингвистики и философии // Язык и культура. 2018. № 42. С. 6–18.
35. **Обдалова О.А.** Когнитивно-дискурсивная технология в обучении иноязычной межкультурной коммуникации // Язык и культура. 2018. № 44. С. 279–305.
36. **Обдалова О.А., Минакова Л.Ю., Соболева А.В.** Дискурс как единица коммуникативного и речемыслительного процесса в коммуникации представителей разных лингвокультур // Язык и культура. 2017. № 37. С. 205–228.
37. **Пассов Е.И.** Программа – концепция коммуникативного иноязычного образования: концепция развития индивидуальности в диалоге культур. М. : Просвещение, 2000. 173 с.
38. **Исаев Е.А.** Языковая личность студента и мультикультурная самоорганизация посредством преподавания иностранных языков // Язык и культура. 2015. № 1 (29). С. 96–103.
39. **Гураль С.К., Павленко Е.И.** Формирование поликультурной многоязычной личности нового типа посредством третьего иностранного языка // Язык и культура. 2011. № 2 (14). С. 115–120.
40. **Kuklina S.S., Tatarinova M.N., Gulyaeva V.S., Shvetsova M.G., Podlevskikh M.Y.** Educational autonomy of a multicultural linguistic personality // Espacios. 2017. Vol. 38, № 40. P. 24.
41. **Савченко И.А.** Социокультурные аспекты современного образовательного процесса // Обучение, тестирование и оценка. 2013. № 13. С. 215–217.
42. **Сысоев П.В.** Пересматривая конструкт межкультурной компетенции: обучение межкультурному взаимодействию в условиях «диалога культур» и «не-диалога культур» // Язык и культура. 2018. № 43. С. 261–281.
43. **Ростова Е., Шамин С.** Диалог культур и сравнение культур в современном поликультурном обществе и в образовательном процессе // Этнодиалоги. 2013. № 1 (42). С. 82–89.
44. **Мильруд Р.П., Максимова И.Р.** Учебный билингвизм: вчера, сегодня и завтра // Язык и культура. 2017. № 37. С. 185–204.
45. **Руссев Н.Д.** Молдавия в «Темные века»: материалы к осмыслению культурно-исторических процессов // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 1999. № 5. С. 379–408.
46. **Решетникова В.А., Бадюл Е.А.** Приднестровье: история зарождения и существования непризнанного государства // Молодой ученый. 2016. № 23. С. 389–393.

47. «*О языках* в Приднестровской Молдавской Республике». Закон ПМР от 8 сент. 1992 г. (текущая редакция по состоянию на 14 мар. 2019 г.) // Закон ПМР. URL: <http://zakon-pmr.com>
48. *Статистический* ежегодник 2018. Тирасполь: Государственная служба статистики Приднестровской Молдавской Республики, 2018. 185 с.
49. *Савченко И.А.* Лингвоидентичность и социокультурные условия развития этно-общностей // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2010. № 3. С. 281–296.
50. *Zorina A.V., Vygodchikova N.N., Gatın R.G., Nazmutdinova M.A., Gerasimova O.Y.* Multicultural education of multi-ethnic students at the foreign language class // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Vol. 11, № 18. P. 10817–10827.
51. *Кирнозе З.И.* О национальной концептосфере // Филология и культура. Тамбов, 2001. Ч. 2. С. 55–62.

Сведения об авторах:

Савченко Ирина Александровна – доцент, доктор социологических наук, профессор кафедры философии, социологии и теории социальной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова; профессор кафедры психологии и педагогики Нижегородской академии МВД РФ (Ниžний Новгород, Россия). E-mail: teosmaco@rambler.ru

Викулина Мария Анатольевна – профессор, доктор педагогических наук, руководитель Центра координации научно-исследовательской деятельности Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н.А. Добролюбова (Ниžний Новгород, Россия). E-mail: prof_vikulina@lunn.ru

Михайлова Виктория Владимировна – старший преподаватель кафедры социологии Института государственного управления, права и социально-гуманитарных наук Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика). E-mail: vika-n@yandex.com

Поступила в редакцию 26.02.2019 г.

INTEGRITY OF STUDENT'S COMMUNITY IN CONDITIONS OF POLYLINGUALISM (on materials of Transnistrian Moldavian Republic)

Savchenko I.A., Associate Professor, Sc.D. (Sociology), Professor of the Department of Philosophy, Sociology and the Theory of Social Communication, Dobrolyubov Nizhny Novgorod State Linguistic University; Professor of the Department of Psychology and Pedagogics, Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs of Russia (N. Novgorod, Russia). E-mail: teosmaco@rambler.ru

Vikulina M.A., Professor, Sc.D. (Education), the Head of the Center of Coordination of research Activity, Dobrolyubov Nizhny Novgorod State Linguistic University (N. Novgorod, Russia). E-mail: prof_vikulina@lunn.ru

Mikhaylova V.V., Senior Lecturer of Department of a Sociology of Institute of Public Administration, Right and Social Humanities of the Pridnestrovian State University T.G. Shevchenko (Tiraspol, Transnistrian Moldavian Republic). E-mail: vika-n@yandex.com

DOI: 10.17223/19996195/46/15

Abstract. This article is an attempt to answer the question: how the linguistic heterogeneity of student's community affects its integrity? Studying the designated problem in theoretical aspect, authors find out what among the scientists investigating linguistically non-uniform educational collectives there are the optimists revealing in polylingualism potentials to social integration and sceptics who enter a concept of “language contradictions” and define linguis-

tic heterogeneity as a barrier to complete community formation. Authors carry out the empirical analysis of polylingualism phenomenon on materials of the Transdnestrian Moldavian Republic. To have an idea of sociocultural climate of modern Transdnistria it is necessary to understand specifics of its cultural historical development. In the first millennium AD Transdnistria was populated with ancient Slavic tribes and also with Turkic nomads Cumans and Pechenegs (eternal rivals of ancient Slavs). In the second millennium Transdnistria was a part of many states: Kiev Rus and Galitsko-Volynsky principality, Grand Duchy of Lithuania. Northern Transdnistria long time stayed as a part of the Polish principalities and the Polish-Lithuanian Commonwealth. The southern Transdnistria in the 13th century became a part of the Golden Horde, and later – a part of the Crimean khanate. At last, at the end of XVIII all territory of Transdnistria becomes a part of the Russian Empire. Then active settling of Transdnistria begins. The power contributed to labor migrations in Transdnistria of Russians, Moldavians, Ukrainians, Jews, Bulgarians, Germans, Greeks and Armenians. During the Soviet period till 1940 the main part of Transdnistria was a part of the Moldavian Autonomous Soviet Socialist Republic which, in turn, was a part of the Ukrainian SSR. In 1940 with new inclusion of Bessarabia in structure of the Soviet Union the Moldavian SSR was created, and Transdnistria became the territory of the Moldavian Soviet Socialist Republic. The new wave of migration of professional staff in Transdnistria, mainly, from Russia and Ukraine began. Thus historical development of Transdnistria caused linguocultural heterogeneity of the region. Multilanguage and cultural heterogeneity of the Dnestr area, on the one hand, and its unconditional focus to the Russian world, with another, in many respects explain why Transdnistria could not follow Moldova when it, having announced the sovereignty, headed for the European development. The features of a cultural and communicative discourse found today in the unrecognized Dnestr Moldavian Republic found the reflection in an education system and linguocultural dynamics of educational collectives. Authors find out that the Dnestr polylingualism has today the sufficient and full regulatory and legal base. The polling research among students of the Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko allowed authors to draw a number of conclusions. Peculiar feature of student's community in Transdnistria is the frequent discrepancy of ethnic and linguistic identity (together they make cultural identity). Among the Dnestr students the ethnic identity in quantitative expression can be wider or, on the contrary, narrower than language identity. The situation when the ethnic identity completely coincides with linguistic, is peculiar only to those communities that only begin to join community, new to them. According to authors the recorded situation does not comprise the conflictogenic messages. It is shown that studying of language which is foreign for all members of student's community (the speech, first of all, about English) is the integrating factor for student's community. Empirical material allowed to reveal a special role of Russian as factor of a solidarization of student's collective. Russian and a concept of the Russian world objectively become today a kernel of linguocultural dynamics and of Transdnistria youth communities everyday life. Authors come to conclusion that we should not understand polylingualism as an obstacle for collective integration. The student's community is a system, and the heterogeneity as obligatory property of system gives impulses to its development.

Keywords: polylingualism; integrity; concept student's community; discourse; dialogue of cultures; linguistic identity; ethnic identity; Russian world; Transdnestrian Moldavian Republic; Russian and English languages; sociocultural climate.

References

1. Falodun J.O. (1993) Responding to linguistic and cultural differences in a multicultural classroom. Institute: University of Pennsylvania.
2. McSwain A.J. (1993) The effects of multicultural training on preservice students' self-report of bilingual multicultural competencies. University of Missouri – Columbia.
3. Bekerman Z. (2004) Potential and Limitations of multicultural education in conflict-ridden areas: bilingual palestinian-jewish schools in Israel // *Teachers College Record*. Vol. 106 (3). pp. 574–610.

4. Heskin A.D., Heffner R.A. (1987) Learning about bilingual, multicultural organizing. *Journal of Applied Behavioral Science*. Vol. 23 (4). pp. 525–541.
5. Trent S.C., Artiles A.J. (1998) Multicultural teacher education in special and bilingual education // *Remedial & Special Education*. Vol. 19 (1). pp. 2–6.
6. Sandoval L.L. (1983) *Teacher training for bilingual multicultural education*. The Claremont Graduate University.
7. Sedelow W.A., Sedelow S.Y. (1994) Multicultural/multilingual electronically mediated communication // *Social Science Computer Review*. Vol. 12 (2). pp. 242–249.
8. Drouyn-Marrero M.A. (1990) *Computer access, social interaction and learning in a bilingual/multicultural setting*. University of Massachusetts Amherst.
9. Scharf S.T., Foster J.A., Behdinan K. (2014) Optimizing linguistic diversity in highly multicultural engineering design teams // *ASEE Annual Conference and Exposition, Conference Proceedings Ser. "121st ASEE Annual Conference and Exposition: 360 Degrees of Engineering Education"*. pp. 67–71.
10. Matveeva E. (2016) Language alter ego – the key to multicultural linguistic personalities // *Philology*. 4 (4). P. 42–44.
11. Goral M., Conner P.S. (2013) Language disorders in multilingual and multicultural populations // *Annual Review of Applied Linguistics*. Vol. 33. pp. 128–161.
12. Khazhgaliyeva G. (2016) Multilingual education perspectives in multicultural Kazakhstan // *Global science. Development and novelty Collection of scientific papers on materials IV International Scientific Conference*. pp. 5–8.
13. Shaikhyzada Zh.G., Andreyeva O.A. (2013) Implementation of multicultural and multilingual educational model in the republic of kazakhstan // *European Researcher*. 2–2 (41). pp. 379–382.
14. Mlechko T.P. (2013) *Russkaja jazykovaja lichnost' blizhnego zarubezhja* [Russian language personality of near abroad]. Kishinev: Slavjanskij universitet respubliki Moldova.
15. Skiba I.G. (2017) *K voprosu samoidentifikacii s "Russkim mirom"* [To the issue of self-identification with the "Russian world"] // *Donetskie chteniya 2017: Russkij mir kak civilizacionnaja osnova nauchno-obrazovatel'nogo i kul'turnogo razvitiya Donbassa. Materialy Mezhdunar. nauch. konf. stud. i mol. uchenyh. Posv. 80-letiju DonNU. Pod obshh. red. S.V. Bespalovoj*. pp. 220–223.
16. Shestak L.A. (2011) *Russkij jazyk v mire i mir v russkom jazyke: jazyk kak budushhee* [The Russian language in the world and the world in the Russian language: language as the future] // *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 8 (62). pp. 102–109.
17. *Mir russkogo slova i russkoe slovo v mire* [The world of the Russian word and the Russian word in the world] (2007) // *Materialy XI Kongressa Mezhdunar. asociacii prepod. rus. jaz. i literatury*. Vol. 4 *Jazyk. Soznanie. Lichnost'. Kommunikacija na russkom jazyke v mezhkul'turnoj srede*. Varna: Heron Press.
18. Kajsarova S.N. (2016) *Metafizika russkoj dushi v vosprijatii inozazychnogo soznaniya ("Party like a Russian": vyzov ili kompliment Russkomu miru?)* [Metaphysics of the Russian soul in the perception of a foreign language consciousness ("Party like a Russian": challenge or compliment to the Russian world?)] // *Pedagogika i pedagogicheskij process: sovremennye tendencii i perspektivy razvitiya: sb. nauch. tr. po materialam I Mezhdunar. nauch-prakt. konf*. pp. 38–43.
19. Pisarevskij V.G. (2018) *Auditorija pravoslavnykh soobshhestv Vkontakte v Uzbekistane i ee svjaz' s "Russkim mirom"* [The audience of the orthodox communities of Vkontakte in Uzbekistan and its connection with the "Russian world"] // *Problemy dejatel'nosti uchenogo i nauchnyh kollektivov*. 4 (34). pp. 264–278.
20. Savoskul S.S. (2001) *Russkie novogo zarubezhja. Vybor sud'by* [Russians of the new abroad. The choice of destiny]. M.: Nauka.
21. Kosmarskaja N.P. (2006) *"Deti imperii" v postsovetskoj Central'noj Azii: adaptivnye praktiki i mental'nye sdvigi (russkie v Kirgizii, 1992–2002)* ["Children of the Empire" in

- post-Soviet Central Asia: adaptive practices and mental shifts (Russians in Kyrgyzstan, 1992–2002)]. M.: Natalis.
22. Voronova O.E. (2018) Informacionno-psihologicheskoe protivoborstvo v kontekste global'nykh ugroz Russkomu miru [Information and psychological confrontation in the context of global threats to the Russian world] // *Russkij mir: problemy duhovno-nravstvennogo, grazhdansko-patrioticheskogo vospitaniya i puti ikh resheniya: plenarnye dokl. mezhdunar. nauch-prakt. konf. pod obshh. red. S.V. Bespalovoj.* pp. 44–52.
 23. Babilunga N.V. (2018) Pridnestrov'e i Russkij mir: sovremennye geopoliticheskie realii [Transnistria and the Russian world: modern geopolitical realities] // *Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy i perspektivy razvitija: materialy i dokl. mezhdunar. nauch-prakt. konf.* pp. 12–22.
 24. Nedel'skaja O.S. (2017) Pridnestrov'e v sisteme geopoliticheskikh interesov vedushhih mirovyh derzhav [Transnistria in the system of geopolitical interests of the leading world powers] // *Sistema cennostej sovremennogo obshhestva: sb. materialov XI Mezhdunar. nauch-prakt. konf.* pp. 95–100.
 25. Smirnov I.N. (2007) *Vmeste s Rossiej [Together with Russia].* Tiraspol': TIPAR.
 26. Stepanov V. (2015) Etnopoliticheskoe konstruirovanie grazhdanskoj identichnosti na dvukh beregah Dnestra (1989–2014 gg.) [Ethnopolitical construction of civic identity on the two banks of the Dniester (1989–2014)]. M.: RISI.
 27. Chorba A.A. (2016) Pridnestrov'e na puti ot regional'noj k gosudarstvennoj identichnosti: ocenki ekspertov [Transnistria on the way from regional to national identity: expert assessments] // *Regiony mira: problemy istorii, kul'tury i politiki: Sb. st. Nacional'nyj issledovatel'skij Nizhegorodskij gosudarstvennyj universitet im. N.I. Lobachevskogo. Pod red. A.A. Kornilova.* pp. 190–195.
 28. Yankovskij V.V. (2017) 10 let referendumu v Pridnestrov'e: vyzovy 2006 goda kak faktory stanovlenija grazhdanskoj identichnosti [10 years of a referendum in Transnistria: the challenges of 2006 as factors of the formation of civil identity] // *Vlast'. Vol. 25 (1).* pp. 91–98.
 29. Babilunga N.V. (2018) Russkaja nacional'naja ideja i Pridnestrov'e [Russian national idea in Transnistria] // *Kul'turologicheskij zhurnal.* 4 (34). <http://www.cr-journal.ru>.
 30. Krivoschapova N.V. (2018) Refleksivnye aspekty usvoenija vtorogo jazyka v polijazychnom Pridnestrov'e (na primere nacional'no-russkikh bilingvov) [Reflexive aspects of second language acquisition in multilingual Transnistria (on the example of national-Russian bilinguals)] // *V sb.: Intellekt. Kul'tura. Obrazovanie: Materialy Mezhdunar. nauch. konf., posv. 85-letiju so dnja rozhd. RAO I.S. Ladenko, s elementami nauchnoj shkoly dlja molodezhi.* pp. 107–109.
 31. Krivoschapova N.V., Tkacheva L.V. (2018) Lingvodidakticheskij aspekt interferencii bolgarsko-russkikh bilingvov v Pridnestrov'e [Linguodidactic aspect of interference of Bulgarian-Russian bilinguals in Transnistria] // *Lingvokul'turologicheskie issledovanija razvitija russkogo jazyka v uslovijah polijetnicheskoy sredy: opyt i perspektivy: Tr. i materialy Mezhdunar. konf. Pod obshh. red. E.A. Gorobec, O.F. Zholobova, M.O. Novak.* pp. 81–84.
 32. Krivoschapova N.V. (2018) Aksiologicheskij podhod v metodike prepodavaniya russkogo jazyka v polijetnichnom Pridnestrov'e [Axiological approach in the methodology of teaching Russian language in multi-ethnic Transnistria] // *Bi-, poli-, translingvizm i jazykovoe obrazovanie: posvjashaetsja nashim Uchiteljam: materialy IV Mezhdunar. nauch-prakt. konf. pod jegidoj MAPRJaL. RUDN.* pp. 385–390.
 33. Savchenko I.A., Vikulina M.A. (2018) Lingvokul'turnaja dinamika i obrazovatel'nyj process [Linguocultural dynamics and educational process] // *Jazyk i kul'tura – Language and Culture.* 43. pp. 199–216.
 34. Gural' S.K., Petrova G.I., Smokotin V.M. (2018) Vyrazit' nevyrazimoye: vozmozhnosti sinergeticheskikh usilij lingvistiki i filosofii [To express the ineffable: the possibilities of

- synergistic efforts of linguistics and philosophy] // *Jazyk i kul'tura – Language and Culture*. 42. pp. 6–18.
35. Obdalova O.A. (2018) Kognitivno-diskursivnaja tehnologija v obuchenii inojazyčnoj mezhkul'turnoj kommunikacii [Cognitive-discursive technology in teaching intercultural communication] // *Jazyk i kul'tura – Language and Culture*. 44. pp. 279–305.
 36. Obdalova O.A., Minakova L.Yu., Soboleva A.V. (2017) Diskurs kak yedinita kommunikativnogo i rechemyslitel'nogo protsessa v kommunikacii predstaviteley raznykh lingvokul'tur [Discourse as a unit of communicative and verbal and cogitative process in communication of representatives of different linguocultures] // *Jazyk i kul'tura – Language and Culture*. 37. pp. 205–228. DOI: 10.17223/19996195/37/14.
 37. Passov E.I. (2000) Programma-koncepcija kommunikativnogo inojazyčnogo obrazovaniya [Programme-concept of communicative foreign language education]. M.
 38. Isaev E.A. (2015) Jazykovaja lichnost' studenta i mul'tikul'turnaja samoorganizacija posredstvom prepodavaniya inostrannyh jazykov [Student's language personality and multicultural self-organization via teaching foreign languages] // *Jazyk i kul'tura – Language and Culture*. 1 (29). pp. 96–103.
 39. Gural' S.K., Pavlenko E.I. (2011) Formirovanie polikul'turnoj mnogojazyčnoj lichnosti novogo tipa posredstvom tret'ego inostrannogo jazyka [Formation of a policultural multilingual personality of a new type via the third foreign language] // *Jazyk i kul'tura – Language and Culture*. 2 (14). pp. 115–120.
 40. Kuklina S.S., Tatarinova M.N., Gulyaeva V.S., Shvetsova M.G., Podlevskikh M.Y. (2017) Educational autonomy of a multicultural linguistic personality // *Espacios*. Vol. 38. 40. p. 24.
 41. Savchenko I.A. (2013) Sociokul'turnye aspekty sovremennogo obrazovatel'nogo processa [Socio-cultural aspects of the modern educational process] // *Obuchenie, testirovanie i ocenka*. 13. pp. 215–217.
 42. Sysoev P.V. (2018) Peresmatrivaja konstrukt mezhkul'turnoj kompetencii: obuchenie mezhkul'turnomu vzaimodejstviyu v usloviyakh “dialoga kul'tur” i “ne-dialoga kul'tur” [Reconsidering the construct of intercultural competence: teaching intercultural interaction in the context of “dialogue of cultures” and “non-dialogue of cultures”] // *Jazyk i kul'tura – Language and Culture*. 43. pp. 261–281.
 43. Rostova E., Shamin S. (2013) Dialog kul'tur i sravnenie kul'tur v sovremennom polikul'turnom obshchestve i v obrazovatel'nom processe [Culture dialogue and comparison of culture in a modern policultural society and educational process] // *Etnodialogi*. 1 (42). pp. 82–89.
 44. Mil'rud R.P., Maksimova I.R. (2017) Uchebnyj bilingvizm: vchera, segodnja i zavtra [Educational bilingualism: yesterday, today, and tomorrow] // *Jazyk i kul'tura – Language and Culture*. 37. pp. 185–204.
 45. Russev N.D. (1999) Moldavija v “Temnye veka”: materialy k osmysleniju kul'turno-istoricheskikh processov [Moldavia in the “Dark Ages”: materials for understanding the cultural historical processes] // *Stratum plus. Arheologija i kul'turnaja antropologija*. 5. pp. 379–408.
 46. Reshetnikova V.A., Badjul E.A. (2016) Pridnestrov'e: istorija zarozhdenija i sushhestvovaniya nepriznannogo gosudarstva [Transnistria: the history of origin and existence of the unrecognized state] // *Molodoj uchenyj*. 23. pp. 389–393.
 47. “O jazykakh v Pridnestrovskoj Moldavskoj Respublike”. Zakon PMR ot 8 sent. 1992 g. (tekushhaja redakcija po sostojaniju na 14 mar. 2019 g.) [“About the Languages in Pridnestrovian Moldavian Republic”. The Law of PMR as of September 8, 1992 (current version as of March 14, 2019)] // *Zakon PMR*. <http://zakon-pmr.com>
 48. Statisticheskij ezhegodnik 2018 [Statistical yearbook 2018] (2018). Tiraspol': Gosudarstvennaja sluzhba statistiki Pridnestrovskoj Moldavskoj Respubliki.

49. Savchenko I.A. (2010) Lingvoidentichnost' i sociokul'turnye uslovija razvitija etnoobshhnostej [Linguistic identity and sociocultural conditions of development of ethnic entities] // Vestnik LGU im. A.S. Pushkina. 3. pp. 281–296.
50. Zorina A.V., Vygodchikova N.N., Gatin R.G., Nazmutdinova M.A., Gerasimova O.Y. (2016) Multicultural education of multi-ethnic students at the foreign language class // International Journal of Environmental and Science Education. Vol. 11 (18). pp. 10817–10827.
51. Kirnoze Z.I. (2001) O nacional'noj konceptsfere [On the national concept sphere] // Filologija i kul'tura. Chast' 2. Tambov. pp. 55–62.

Received 26 February 2019